

Стены комнаты моего старшего сына были оклеены фотографиями Цоя, Кинчева, Джаггера, «Битлз», Уитни Хьюстон, Стиви Уандера, группы «Чайф»... Как мои в свое время в студенческом общежитии - фотографиями Хемингуэя, Ремарка, тех же «Битлз», Окуджавы...

В моем кабинете есть портреты всех моих детей, фотографии родителей, бабушки и дедушки по отцу. В комнате моего старшего сына нет моей фотографии, но есть фотография дяди. И профессию сын выбрал такую же, как у дяди - юрист, что мне очень не нравилось: сухая, на мой взгляд, профессия, застегнутая на все пуговицы мундира... Так я рассуждал, отговаривая сына от юридического...

Он настоял на своем. Сын не знал и не знает, что я немножко ревновал его к человеку, которого не перевариваю: для дядюшки жизнь - предприятие, приносящее убытки или прибыль, а для меня - путешествие к самому себе.

История «Не сотвори себе кумира» моего старшего сына - зеркальное отражение моей собственной. С годами я вынужден в этом признаться.

В детстве у меня был пятнистый футбольный мяч. В нашем дворе такого больше ни у кого не было. Возможно, такого мяча не было и в десяти соседних дворах. Мяч мне подарил брат отца, дядя Сережа, в честь которого меня назвали. Из-за этого мяча я полюбил дядю. К этой любви иногда ревновал отец. Этой любви побиравалась мать, так как дядя вел веселую жизнь, а мать видела, что я подражаю дяде во всем.

Наверное, дядя Сережа любил меня, как сына, хотя, как любят

ТОТ, КТО РЯДОМ

своих детей, он и знать не мог - детей у него не было. Но он всегда угадывал мое настроение и самые желанные подарки: под Новый год и в дни рождения я получал гантели, перевязанные лентой; простенький транзистор; коньки-«канадки» с приподнятой пяткой и высоким задником; теннисные ракетки для пинг-понга...

И этот вот чудо-мяч в шахматную клетку.

Родители дарили мне то, что считали необходимым и полезным в быту и в учебе, - дядя дарил то, о чем я тайно мечтал. Подарок родителей часто не отличался от запланированной покупки - подарка дяди я помню до сих пор. И даже книга (дежурное подношение тех лет, помните плакаты в витринах магазинов: «Книга - лучший подарок!»?), подаренная дядей Сережей, воспринималась по-особенному, прочитывалась в первую очередь и, конечно, казалась интереснее тех, что я читал раньше...

Помню стихи, которые он читал за праздничным столом: «Утром, в ржаном закутке, где златятся рога, в ряд, семерых оценила сука, рыжих семерых щенят...» - нашего тезки, Сергея Есенина. Меня бросило в жар от слова «сука», я считал его запретным, грязно-матерным. Но стол отреагировал зачарованно, и я понял, что даже бранное слово в устах любимого дяди звучит как музыка. Или: «Я вас обязан известить, что не дошло до адреса письмо, что в ящик опустить не постыдились вы когда-то...» - «Письмо женщине из города Вичуга» Константина Симонова.

Это вышибало слезу. Дядя знал, чего ждет «публика».

Названий стихов я не знал, а спросить дядю стеснялся. Наутро мчался в библиотеку и на память искал эти стихи, библиотекарь мне с радостью помогала. Находил. Выписывал. И учил наизусть. Я помню их до сих пор. Дядя Се-

ФОТО АЛЕКСАНДРА МАТЮШКИНА

режа к каждому семейному застолью готовил что-нибудь новое. Он был красив. Он играл на гитаре и пел модные тогда «Ландыши», «Ах, Таня, Таня, Танечка...», «За фабричной заставой...» Он знал, что нравится женщинам. Он устраивал маленький спектакль, театр одного актера, и застолье превращалось в праздник, а не в коллективную чавкалку.

Как, скажите, я мог не любить брата своего отца?

Дядя был автомобилист, рыбак, охотник. Все давалось ему одинаково легко, играючи. А мой отец, казалось, живет тяжелее, натужнее, с меньшей любовью к жизни, с меньшим размахом, экономнее - и в денежных средствах, и в средствах «отображения действительности». Я был уверен, что отец проигрывает своему младшему брату по всем статьям.

Боже, как дети часто несправедливы к своим родителям! Они рассматривают их под микроско-

пом, придираясь к каждому прыщу, каждой пылинке. А кумиров любят слепо.

Евгений Богат рассказывал мне, как у него прихватило сердце. В доме были только он и взрослая дочь. Писатель попросил дочь сделать ему укол. Дочь отказалась:

- Я не умею!

- Ты же проходишь в школе медицину. Чему вас учат? - возмутился писатель.

- Я могу сделать рентген глаза, - высокомерно сказала дочь. - А с мелочью я не связываюсь...

Есть в этом ответе взрослой дочери что-то символическое - часто наши дети не видят элементарного в погоне за эффективным. Не могут, не способны заметить того, кто рядом, кто убирает из-под них горшки, кто не спал ночами у их колыбели, кто... Да что там! Я уже сам был молодым папашей, когда узнал, что отец носил меня «на горшок»

чуть ли не до... пятого класса. На руках. Сонного.

Шел сам и прихватывал по пути меня. Так я во сне делал необходимое, не прекращая спать, не прерывая сладкой паутины детского забытия. Отец нес меня по спящей квартире и целовал на ходу. Мне рассказывала об этом мама. А днем он снова был строгим и требовательным ко мне.

Мы любим своих детей такими, какие они есть, - они любят нас такими, какими мы могли быть. Часто дети не согласны с формулой «отцов не выбирают». Кажется, они хотели бы иметь выбор. Это обидно, но нормально. Так они устроены. О каком-нибудь Джоне Ленноне или Фредди Меркьюри они знают больше, чем о собственных родителях. Не говорю уже про дедов, прадедов, прапрадедов... А ведь в них, наших детях, течет их, пращуров, кровь, а не кровь Элтона Джона, Хампердинка или Демиса Руссо...

Так вот - мяч, пятнистый, пинжонский футбольный мяч, подарок дяди. Вернемся к нему. Я дал его всем, кто попросит. Я сидел и занимался, ребята подползли под балкон, кричали меня, звали во двор. Если мог - выходил, и мы рубились в футбол до темноты. Если не мог (а так было чаще) - бросал ребятам мяч с балкона. Они всегда мне его возвращали.

Не вернули однажды. Прибежали затемно, в слезах: «Мяч взял Эдик» (местная «шишка», жестокий, озлобленный парень, сын сосланный немца Поволжья). Я пошел выручать мяч сам. В доме были гости, дядя в том числе.

Эдик лупцевал мячом о кирпичную стену. Сыпалась штукатурка, звенели рамы... Я попросил мяч. Эдик не замечал меня. Я попросил еще раз. Кривая усмешка. Еще. «На, держи...» Он остановил мяч у своих ног и, как только я приблизился и наклонился, чтобы взять его, со всей силы пнул по мячу мне в лицо. Нокдаун.

Я пришел домой с распухшим от боли и слез лицом. Без мяча.

Дядя, узнав, в чем дело, остался сидеть за столом. Наверное, у него по программе было чтение Блока или романс. Со мной во двор пошел отец. Мяч сиротливо лежал в стороне. Эдик покуривал в компании такой же шпаны. Их было много - отец один.

Таким я его еще не видел - отец просто размазал, уничтожил Эдика. Отец бил его молча, сосредоточенно...

Шпана безмолвствовала. Никто даже не вякнул. Все были парализованы праведным гневом моего отца, уже немолодого.

- Принеси мяч и извинись, - сказал отец. Эдик стоял на четвереньках, как поверженный боксер. Я спас его от полного позора: схватил мяч и утащил отца.

«Твой нежный стан, шелками схваченный...» - читал за столом дядя, когда мы вошли.

В тот момент я любил его не меньше, чем прежде. Но отца уже много больше...

Сергей РЫКОВ

Бедная она, бедная! Умственно отсталый ребенок может родиться в любой семье. Необъяснимый (хотя иногда и объяснимый) сбой во внутриутробном развитии - и на свет появляется некто вроде «Человека дождя», хотя аутизм героя фильма еще не самая большая беда. «Не такой, как все» может родиться у безупречных родителей. Пьянство или наркотики, загрязнение окружающей среды лишь создают дополнительный риск рождения такого ребенка.

Мне так хотелось сказать любящей, но страдающей бабушке: «Отдайте мальчика, когда придет время, в 77-ю школу - не пожалеете», но я не знала, как она отреагирует на непрошенный совет...

Наши детишки способны развивать не только данные им природой качества ума, но и саму способность приспосабливаться к жизни, или, по-другому, адаптивные навыки. - говорит заместитель директора 77-й школы, заслуженный учитель РФ Елена Ивановна Капланская. - Дети с самой легкой степенью умственной отсталости достигнут к 18 годам развития нормального ребенка 9-12 лет. Другие разовьются к совершеннолетию только до уровня 6-9-летнего ребенка. Еще более тяжелый случай - когда ребенок в 18 будет как трехлетний. И, наконец, самый крайний случай - идиотия, когда совсем худо и мы, дефектологи, мало чем можем помочь этим детям.

Елена Ивановна - весьма опытный педагог-дефектолог. Она считает, что нельзя ни преуменьшать возможности этих не совсем обычных воспитанников, ни преувеличивать их.

- Если ребенку не дано от природы овладеть математикой или физикой, пойти в техникум, в институт - не надо на этот счет заблуждаться. Не дано - значит, не дано. Но давайте подумаем: можно человеку, в общем-то, прожить без физики? Можно. И без математики, без иностранного языка. Многие здоровые живут именно так.

А раз без всей этой школьной премудрости больному или запущенному ребенку прожить можно, надо потратить его и свои силы и время на обучение насущно важным вещам.

Еду на днях в троллейбусе. Передо мной сидит мальчик лет шести, кажется, с бабушкой. Он все время бормочет: «Ма-ма-ма-ма-ма», потом нелепо смеется: «Гы-ы!» Я старательно отвожу глаза. Бабушке безумно неловко. Она до сих пор не привыкла, что внук у нее не такой, как все. Представляю, как мучают ее вопросы: «Ну почему?», - и возникают сами собой ответы: «Может, они выпили лишнего перед той ночью?», «Может, наследственность плохая - да с нашей стороны вроде вся родня нормальная», «Наверное, экология виновата»...

ДЕТИ ДОЖДА УЧАТСЯ ЖИТЬ

Директор школы Татьяна Александровна Девятова открывает дверь кабинета, и мы попадаем... на кухню городской квартиры. Плита, разделочный стол, шкафчики с посудой и домашней химией, обеденный стол. Таких «жилых кабинетов» со спальнями, гостиницами, туалетами, ваннами в школе целых пять! Здесь проходят занятия по социально-бытовой ориентировке. Родители умственно отсталых детей могут даже не осознавать, насколько трудно их «неправильному» ребенку понять и запомнить, для чего на кухне душлаг и разделочная доска, сито и терка, набор специй и рыбчистка. «Не понимает, - думает мама, - значит, сделаю сама. К кухонному комбайну или стиральной машине она ребенка и подованно не подпустит. Между тем опыт 77-й школы доказывает, что в коррекционном образовательном учреждении можно обучать детей всем видам домашнего труда, только делать это надо с серьезностью основных уроков. Залог успеха - в дотошном узнавании и заучивании того, что пригодится и не только дома, а на почте, в поликлинике, на транспорте. Пройдя этот умный курс, выпускник этой школы превращается в полноправного, полезного члена семьи. Во многом даже более умелого хозяина, чем «необученные» папа с мамой и бабушка с дедушкой.

Каждый из нас в свое время, тупо заучивая английские диалоги, злился на составителей учебников, но потом, спустя годы, происходило чудо: слова и вы-

ражения сами собой всплывали в памяти, когда вдруг приходилось разговаривать с носителем английского языка. Так и здесь. Умственно отсталые дети живут словно бы в чужом мире, слишком огромном для их беззащитного наивного мозга. Им часто бывает страшно, неуютно, тревожно. Но если педагоги-коррекционники не жалели сил, умения и терпения на обучение якобы необучаемого, в нелегкие моменты жизни заученное всплывает в его памяти, как в нашей - давнишние английские диалоги.

Для нас ведь все трудно! Чтобы стало легче, педагоги проводят с ребятами так называемые ролевые игры. Перед тем как свозить их на экскурсию на железнодорожный вокзал, учитель обязательно разыграет на уроке микродрамы - «Покупка билета», «Обращение в справочное бюро», «Посадка в вагон»... Учитель: «Ваня! Сегодня Юля будет проводником, а ты пассажиром. Ваня! Ты подходишь к Юле. Можешь поздороваться и уточнить, какой это вагон?»

Ваня: Здравствуйте. Это десятый вагон?

Юля: Да. Ваш билет и паспорт, пожалуйста. У вас пятое место, это второе купе.

Ваня: Билеты вам отдать?

Юля: Нет, пока оставьте у себя. Я потом соберу.

Для нас, как видим, - обыкновеннейшая беседа, готовится к которой не придет в голову даже малограмотной бабке. Нормальные взрослые люди в принципе готовы к любым нормальным

жизненным ситуациям, так уж устроен наш мозг. Умственно отсталым детям и взрослым эти гипотетические ситуации надо выучивать и на всякий случай держать в памяти.

Они сильно отличаются от нас. Не случайно стоят в специальных кабинетах 77-й школы такие привычные для нашего быта предметы, как плита и стиральная машина. Ведь этим детям мало увидеть картинку в учебнике. Как это: на самом-то деле плита большая, а нарисована маленькая?.. Значит, надо идти на встречу непониманию ребенка, показывать ему, как работает плита, вести в аэропорт, чтобы он увидел эти огромные самолеты, вести в почтовое отделение и т.д.

Все это делают в 77-й. Более того, работающие здесь педагоги (Т. Девятова, Л. Кочетова, А. Петрикова, Н. Платонова, А. Щербакова) взяли на себя труд написать учебник «Социально-бытовая ориентировка в специальных (коррекционных) образовательных учреждениях VIII вида». В книге поражают именно детали - а ведь, собственно, только из них и состоит жизнь. Я даже подумала, что... неплохо бы и обыкновенным людям иметь такую книжку у себя дома. В самом деле, все ли помнят, что означает перечеркнутый тазик на этикетке одежды? А что такое брачный контракт? Страховое отправление? То-то же.

Наугад раскрытая страница. Тема - «Жилище». Что предстоит узнать ученикам 77-й школы? Довольно много. Например, как используются в квартире

жилые и нежилые помещения. Как готовиться к Новому году и семейным торжествам. Как проводить уборку помещений и косметический ремонт. Рассказываются об услугах жилищно-эксплуатационных организаций. Детей, кроме того, ведут на экскурсии в магазины типа «Сад и огород», «Товары для ремонта и строительства» и магазин подарков. На прак-

тических занятиях знакомят с планами жилых помещений, научат убирать квартиру, покупать семена, комнатные растения... Пожалуй, будет под силу учащимся коррекционной школы и оклейка стен обоями, и подсчет необходимого для каждой комнаты количества рулонов. Подсчитают они и сколько надо купить на неделю картошки, сосисок, йогуртов и сколько это будет стоить. Именно на бытовых проблемах и построены уроки математики. А зачем школе столько швейных машин, столько метел, швабр, зачем детские кровати и крошечные столики, зачем, наконец, регулируемая по высоте больничная койка? Татьяна Александровна Девятова разъясняет, что педагоги составили подробные программы обучения подростков таким профессиям, как швея-мотористка, помощник воспитателя детсада, младший медицинский персонал (попросту санитарка), озеленитель, а также дворник, он же уборщик.

Кого-то из выпускников любящие родители станут опекать всю жизнь, не выпуская из дома, а кого-то родители (не менее любящие) определят работать - и будут правы. Мозг развивается, и особенно успешно, когда человек трудится, отвечает за определенный участок общей работы. Среди выпускников 77-й школы есть и секретарша со знанием компьютера, и водитель... Страшно подумать, насколько эти ребята были бы забыты и запуганы в обычной школе. Но им повезло.

Татьяна КОРСАКОВА